

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В РОМАНЕ СЕРГЕЯ ГОРОДЕЦКОГО «САДЫ СЕМИРАМИДЫ»

Туманова Вероника Александровна, аспирант, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, artnikulya@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-4805-0933>

Аннотация. В статье рассматривается проблема интертекстуальности в незавершенном романе Сергея Городецкого «Сады Семирамиды» (1971). Цель исследования заключается в выявлении интертекста и его источников, характеристике структуры и семантики интертекстуальных элементов романа, определении особенностей функционирования ключевых интертекстов в повествовательном дискурсе писателя. Особое внимание уделяется роли прецедентных имен, крылатых выражений и цитат-реминисценций, создающих межтекстовое взаимодействие. В ходе исследования проводится анализ употребления библенима «Сады Семирамиды», выявляются коннотации в контексте античной и армянской мифологии, включая связь с легендой о царице Шамирам и городом Ваном. Метафора *сад* рассматривается как сквозной символ, приобретающий различные смыслы в русской классической литературе и в романе Городецкого. Проводится анализ использования библейских аллюзий и их роли в раскрытии темы геноцида армян как нового «грехопадения», разрушения армянской культуры и истории. Выявляются автотекстуальные связи романа с циклом стихотворений Городецкого «Ангел Армении», а также элементы интермедальности, проявляющиеся во взаимодействии романа с музыкой и живописью. Результаты исследования показывают, что Городецкий активно использует интертекстуальные связи для углубления смысла произведения, создания многогранных образов и выражения авторской позиции.

Ключевые слова: литературный нарратив, повествовательный дискурс, Сергей Городецкий, языковые средства, интертекстема.

Для цитирования: Туманова В.А. Языковые средства создания интертекстуальных связей в романе Сергея Городецкого «Сады Семирамиды» // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 170–176. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-170-176>

Research Article

FIGURES OF SPEECH OF CREATING INTERTEXTUAL CONNECTIONS IN THE NOVEL “THE GARDENS OF SEMIRAMIS” BY SERGEY GORODETSKY

Veronika A. Tumanova, postgraduate, Kostroma State University, Kostroma, Russia, artnikulya@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-4805-0933>

Annotation. This article examines the problem of intertextuality in the unfinished novel “The Gardens of Semiramis” by Sergey Gorodetsky (1971). The aim of the study is to identify the intertext and its sources, characterise the structure and semantics of the novel’s intertextual elements, and determine the functioning of key intertextual elements in the writer’s narrative discourse. Particular attention is paid to the role of precedent names, catchphrases, and reminiscence quotations that create intertextual interaction. The study analyses the use of the biblical name “the Gardens of Semiramis”, identifying connotations in the context of classical and Armenian mythology, including its connection to the legend of Šamiram and the city of Van. The metaphor of *garden* is considered a recurring symbol, acquiring various meanings in Russian classical literature and in Gorodetsky’s novel. The article analyses the use of biblical allusions and their role in revealing the theme of the Armenian Genocide as a new “Original Sin”, the destruction of Armenian culture and history. It identifies the novel’s autotextual connections with Gorodetsky’s poem cycle “Angel of Armenia”, as well as elements of intermediality evident in the novel’s interaction with music and painting. The study’s findings demonstrate that Gorodetsky actively utilises intertextual connections to deepen the work’s meaning, create multifaceted images, and express his authorial position.

Keywords: literary narrative, narrative discourse, Sergey Gorodetsky, figures of speech, intertexteme.

For citation: Tumanova V.A. Figures of speech of creating intertextual connections in the novel “The Gardens of Semiramis” by Sergey Gorodetsky. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 170–176. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-170-176>

Одним из характерных признаков повествовательного дискурса является интертекстуальность, которая связана с глобальной текстовой категорией диалогичности. Художественное произведение приобретает необходимую смысловую полноту благодаря его соотносительности и взаимодействию с другими текстами в общем интертекстуальном пространстве культуры [Николина: 223].

Понятие *интертекстуальности* в современных лингвистических исследованиях не имеет однозначной трактовки. В широком смысле модель интертекстуальности рассматривает отношения между текстами, которые автор не предполагал, в узком смысле – сближается с теорией прецедентности, где выявляются тексты, в которых автор намеренно заимствовал другие дискурсы [Петрова: 45]. *Интертекстуальность* представляет собой функционально-ориентированную единицу интертекста, репрезентирующую претекст, выступает в качестве реляционного сегмента содержательной структуры текста, охватывая различные уровни: смысловой, грамматический, морфологический, синтаксический, лексический, просодический, строфический и композиционный. Основной характеристикой интертекстуальности является её вовлечённость в систему межтекстовых связей, формирующих интертекстуальное пространство [Сидоренко: 143].

Изучению интертекстуальности в художественном тексте посвящены исследования многих отечественных и зарубежных лингвистов и литературоведов: Р. Барта [Барт], М.М. Бахтина [Бахтин], Ю. Кристевой [Кристева], В.М. Мокиенко [Мокиенко], Н.А. Николиной [Николина], Н. Пьеге-Гро [Пьеге-Гро], К.П. Сидоренко [Сидоренко], Н.А. Фатеевой [Фатеева] и др. М.М. Бахтин разработал теорию «чужого слова» и выдвинул идею о том, что язык романа – это художественная система, включающая в себя различные языковые пласты [Бахтин: 228]. В 1967 г. Ю. Кристева продолжила исследование М.М. Бахтина в работе «Бахтин, слово, диалог и роман» и ввела термин *интертекстуальность*: «Любой текст строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия *интертекстуальности* встает понятие *интертекстуальности*» [Кристева: 429]. Затем Р. Барт в своих исследованиях по семиотике и поэтике сместил акцент с авторского намерения на активную роль читателя в формировании художественных значений [Барт: 33]. Николь Пьеге-Гро систематизировала различные подходы к интертекстуальности, определила ее ключевые характеристики и выделила разнообразные формы проявления интертекстуальных связей в тексте [Пьеге-Гро: 51–126]. Н.А. Фатеева раскрыла особенности организации художественного времени в интертекстуальном пространстве текста и предло-

жила типологию межтекстовых элементов [Фатеева 16–120]. Н.А. Николина представила интертекстуальность как аспект филологического анализа текста, заключающийся в выявлении «чужих» дискурсов в его составе, определении их функций, выделила интертекстуальные элементы в составе художественного произведения [Николина: 223–226].

В современной филологии активно изучаются языковые средства межтекстового взаимодействия в художественной прозе. А.И. Яковлев [2011] исследовал интертекстуальные связи в романе А. Белого «Петербург». М.А. Фокина, М. Шохра [2024] изучили пушкинское слово в романах В.Е. Максимова «Заглянуть в бездну» и «Кочевание до смерти». Учёные единодушно отмечают, что интертекстуальность является значимой составляющей жанровой структуры романа, который относится к повествовательному нарративному тексту, излагающему историю посредством нарратора [Schmid: 7].

Целью нашего исследования является комплексный анализ ключевых интертекстов романа Сергея Городецкого «Сады Семирамиды»: выявление их структурно-семантических и функциональных особенностей, обоснование роли ведущих интертекстуальных элементов текста в повествовательной структуре произведения, в экспликации его концептуального содержания. Изучение межтекстового взаимодействия в литературном нарративе опирается на принципы дискурсивного исследования, а также используются исследовательские методы контекстуального анализа и семантического анализа языковых единиц.

В незавершенном романе Сергея Городецкого «Сады Семирамиды» (1971) отражен личный опыт автора во время его путешествий по Кавказскому региону. Произведение представляет собой трагическое изображение событий, постигших армянское население. Автор детально описывает напряженные военные действия, развернувшиеся на Кавказском фронте в период Первой мировой войны.

Языковыми средствами создания интертекстуальности являются лексические, фразеологические и синтаксические единицы. Интертекстуальные связи романа «Сады Семирамиды» представлены разнообразно, нами выделено четыре уровня межтекстового взаимодействия: 1) собственно интертекстуальность (непосредственное обращение к претекстам); 2) архитектурность (межжанровое взаимодействие); 3) автотекстуальность (смысловые ассоциации с другими произведениями данного автора); 4) интермедальность (связи художественного текста с музыкой и живописью).

Собственно интертекстуальности – прецедентные имена, крылатые единицы и цитаты-реминисценции – формируют первый уровень межтекстового взаи-

модействия в романе Городецкого. В современной лингвистике использование прецедентных имен рассматривается как особая разновидность метафоры. Ключевые метафоры характеризуют героев и события, создают семантические доминанты и/или семантические оппозиции текста, выражают авторскую модальность, раскрывают концептуальное содержание произведения [Фокина 2025: 61]. Сергей Городецкий употребляет крылатое выражение, библенизм *сады Семирамиды* – книжн. ‘нечто чудесное, великолепное, прекрасное’. Согласно древнегреческой мифологии *Семирамида* – легендарная ассирийская царица, с ее именем связаны завоевательные походы. *Семирамида* вырастила «висячие сады» в Вавилоне. Древний мир считал *сады Семирамиды* одним из семи чудес света [БСКСРЯ: 435]. В контексте древнеармянской мифологии *Семирамида (Шамирам)* – легендарная царица Ассирии, которая воздвигла город Ван [Хоренаци: 14].

Прецедентный оним *Шамирам* напрямую связан с заглавием романа и с именем одной из героинь произведения. Городецкий использует отсылку к античной и армянской мифологиям, в связи с чем интертекстема приобретает следующие коннотации.

1. Легенда о Висячих садах Семирамиды является метафорой, отражающей изящество, красоту и чувственность героини, автор использует определения-апеллятивы, сопровождающие оним: «А *Шамирам* – *взрослая* девушка, *красивая* девушка...» [Городецкий 2: 36].

2. Символ армянской земли, погруженной во мрак, жаждущей искупления и грядущего возрождения: «Слезы хлынули из ее глаз... Спустите же меня на землю! Спустите! Неужели нет в людях ни капли жалости?» [Городецкий 2: 21].

Метафора *сад* является сквозным символическим образом русской классической литературы. Например, в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» интертекстема *сад* приобретает глубокий символический смысл в афористическом высказывании Саши Трофимова: «Вся Россия наш *сад*» [Чехов: 60]. Эти слова подводят итог авторским раздумьям о будущем России и ее народа в начале XX в., когда ощущались надвигающиеся социальные перемены. Характеризуя разное отношение персонажей к *саду*, Чехов выражает их чувства к родной земле, представляя *сад* как метафору России. В известной поэме «Соловьиный сад» А. Блок раскрывает образ *сада* в качестве символа мечты, удаленной от жизни:

Только все неотступнее снится
Жизнь другая – моя, не моя...
И чего в этой хижине тесной
Я, бедняк обездоленный, жду,
Повторяя напев неизвестный,
В соловьином звенящий *саду*? [Блок: 241].

У Владимира Маяковского *сад* является синонимом красивого, цветущего города будущего: «Я знаю, город будет, я знаю, *саду* цвезть...» [Маяковский: 84]; «Через четыре года здесь будет город-*сад*...» [Маяковский: 83].

Интертекстема *сад* в романе Городецкого объемно раскрывается в контексте русской и мировой литературы и культуры, является символом природного великолепия, воспоминаний армянского народа о довоенной жизни: автор использует эпитет «какой *сияющий сад*» [Городецкий 2: 11], метафору «белорозовые *жемчужины повисли в воздухе*... лепестками распускающихся цветов плодового *сада*...» [Городецкий 2: 11].

Противопоставляя довоенную жизнь послевоенной, автор использует антитезу *созидание* – *уничтожение*: «...это *сад* возле их дома, там в Ване, посаженный дедом и выхоженный отцом» [Городецкий 2: 11] – «Никакого *сада нет!*»; «...небольшие уступы... напоминают о *висячих садах Семирамиды*. Давно *погибли сады*...» [Городецкий 2: 11]. В этом контексте автор представляет *сад* как метафору разоренной родины: *сад* – это разрушенный армянский город Ван. Создается текстовая энантиосемия: лексема *сад* приобретает семантическую объемность, объединяет противоположные смыслы.

Имя собственное *Анаид*, в армянской мифологии *Анаит (Анаида)* – богиня материнства, любви и войны [Шифман: 62]. Образ Анаид, связанный с плодородием, отражает трагическую участь беременных женщин, вынужденных покидать дома и выживать в тяжёлых условиях: «Она была беременна, *Анаид*. <...> ...Она, лежа на уже успевшем запылиться холсте, укладывала свои маленькие ноги так, чтоб было удобно зародышу, с самой весны развивавшему в ней свою жизнь» [Городецкий 2: 22].

Автор использует интертекстуальную метафору, заимствованную из Библии. Библейская цитата обладает высокой художественной пластичностью в отечественной культуре по сравнению с другими литературными источниками [Колесников: 10]. Три имени собственных – *Адам*, *Ева* и *Вавилон* – крылатизмы, которые выступают в качестве интертекстуальных элементов в художественном произведении. Использование имен *Адам* и *Ева* отсылает к библейскому мифу о сотворении мира и грехопадении:

«...Где войско?

– Англичанам помогает. Там, за Евфратом, где рай был.

– Какой рай?

– Где *Адам* с *Евой* согрешил.

– И там мы?

– А что? Казаку везде дорога.

– А этих англичан тоже турки режут?

– Не режут, а бьют, дурья голова. Союзники они наши.

Они тут не живут. У них свой остров. Там, за Архангель-

ском. Сюда воевать пришли. А их турки бьют. Выручать надо» [Городецкий 2: 51].

Городецкий использует крылатизмы *Адам и Ева* в речи казаков, простых людей, участвующих в войне. Массовые убийства армян рассматриваются как новое «грехопадение». Образ утраченного рая становится символом уничтоженной армянской культуры и истории. Тема изгнания из рая, центральная для библейского нарратива, находит свое отражение в горькой судьбе армянского народа, лишённого родины и подвергнутого геноциду.

Имя собственное *Вавилон*, неразрывно связанное с библейским повествованием о Вавилонской башне, в романе является метафорой, отражающей хаос, смешение языков и культур в Армении:

«– В Персии ангелов изображают не на церквах, а знате где?»

– Ну?

– Над входом в бани! Мне один профессор говорил, что это правильно. Ангелов выдумали в *Вавилоне*, и там они были не просто вестниками, а вестниками любви. А бани ведь на всем свете служат не только для мытья, но и для любви. Значит, ангелы там вполне на месте. Да, слушайте, – захохотал он, – ведь и в Евангелии то же самое!» [Городецкий 2: 52].

В библейской книге «Бытие» [Библия] *Вавилон* выступает как многозначный символ, соединяющий в себе различные смыслы: символ гордыни и богоотступничества, связанный со строительством *Вавилонской башни*, попыткой человечества возвыситься до уровня Бога, и символ смешения языков и культур. Османская империя, совершившая геноцид армян, может метафорически сопоставляться с *Вавилоном* как с империей-завоевателем и угнетателем. Насилие и несправедливость являются проявлением гордыни и богоотступничества, характерных для библейского *Вавилона*. Разрушение армянских церквей и культурных памятников, уничтожение национальной идентичности можно рассматривать как взаимосвязь с разрушением Иерусалимского храма вавилонянами. Эта параллель указывает на глубокие культурные и религиозные корни конфликта.

Через призму библейских аллюзий Городецкий расширяет границы понимания трагедии, показывает ее культурно-исторические истоки, поднимает вопросы о моральной ответственности и человечности.

Архитекстуальность, отражающая межжанровое взаимодействие, создает второй уровень интертекстуальности. В литературном произведении употребляется фольклорное изречение: «В каждом армянце живет поэт» [Городецкий 2: 94]. Это старинная поговорка, о которой писал Валерий Брюсов в работе «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков» [Брюсов: 42]. Использование паремии в романе позволяет Городецкому образовать межжанровое вза-

имодействие, обогатить произведение лирическими отступлениями, поэтическими образами и метафорами. Он не только рассматривает исторические и культурные аспекты, но и пытается проникнуть в суть армянской души.

Прозаическое повествование органично переплетается также с элементами поэзии, создавая уникальное межжанровое пространство. В художественный диалог героев произведения добавляется стихотворение армянского поэта начала XX в. Даниэля Варужана [Варужан]:

Там, над озером зеркальным,
Домик мой в краю далеком.
Настежь дверь. Родимым оком
В нем горит огонь печальный...
Гроб уж вынесли оттуда –
Унесли мою с ним душу.
На пороге плачет – слушай!
Кот лохматый, белогрудый.
День придет. Вернусь с тоскою
В дом, к лампаде бездыханной.
Дверь закрою с болью странной
И с котом заплачем вдвое [Городецкий 2: 96].

Сергей Городецкий вплетает в повествование биографию Даниэля Варужана, который был убит турецким правительством: «...его жизнь – это свеча, зажженная от костра, на котором горит армянский народ...» [Городецкий 2: 95] Метафора формирует архитекстуальную связь: лирические строки отражают печаль армянского народа, тоску по утраченным домам. Так создаются психологизм повествования, полифония романа.

Ещё одним важным элементом интертекстуальности становится автотекстуальность, характеризующаяся отсылками к другим произведениям Сергея Городецкого. Перед тем, как приступить к работе над «Садами Семирамиды», Городецкий создал цикл стихотворений «Ангел Армении», который стал своеобразным претекстом для его последующего творчества. В стихотворении «Душевнобольная» читаем:

Ее никто не кормит, не ласкает,
Ей голодно, ей странно все, ей жутко.
Бежать отсюда? Сердце не пускает...
<...>
Болит душа. Скорей бы ночь настала!
А ночь придет, она, больною тенью.
Начнет бродить, мяукая устало...

[Городецкий 1: 326].

Эти строки позволяют увидеть автотекстуальные связи поэтического текста с романом: создаются смысловые ассоциации с изображением *Шамирам*. Название стихотворения – авторская характеристика девушки, лишившейся разума, это результат трагических событий: её терзают ужасные воспоминания о том, как курдские отряды похитили Шамирам

в военное время и посадили в колодец, откуда ей чудом удалось выбраться.

Автотекстуальная связь проявляется также со стихотворением Городецкого «Ребенок»:

Насилье исказило землю!
Как страшно правду понимать!
Ответу бедственному внемлю:
Ребенок – будущая мать [Городецкий 1: 325].

Городецкий воплотил в своем романе девятилетнюю *Анаид* – беременную девочку, над которой надругались. Городецкий использует оксюморон: «*Ребенок – будущая мать*», чтобы показать противоестественность произошедшего, когда ребенок вынужден нести бремя материнства.

Интермедальность как взаимодействие романа «Сады Семирамиды» с музыкой и живописью расширяет границы повествовательного нарратива. Многочисленны связи с музыкальными произведениями – песнями, которые поют герои романа. Во время войны песни помогают людям выразить горечь утраченных домов: «По родным садам тоскует на чужбине соловей» [Городецкий 2: 95]. Песенная метафора олицетворяет армянский народ: «Все народы – цветы с одной грядки» [Городецкий 2: 95]. Автор показывает бессмысленность вражды между странами и народами. Герои радуются окончанию военных действий, в строках их песен встречаются многократные риторические восклицания *Вот это так!*, метафоры *песней мы прогоним грусть и страх, пляской смерть растопчем в прах* [Городецкий 2: 101].

Художественные пейзажи, насыщенные цветопищей, связывают текст романа с живописными полотнами. Например, в красочных описаниях природы Армении используются различные изобразительно-выразительные средства, которые помогают читателю визуализировать изображаемое, зрительно представить колоритные образы:

- метафора и эпитет: *желто-зеленые пирамиды спелых осенних дынь вздымались над землей* [Городецкий 2: 8];
- сравнение в изображении Ванской скалы: *как загорелый пальчик маленькой девочки, поднимается в небо с ее середины минарет* [Городецкий 2: 30];
- колоративы: *темно-голубые шелковые волны выбрасывают рыжий, табачного цвета песок на берег* [Городецкий 2: 12].

Таким образом, интертекстуальный анализ романа Сергея Городецкого «Сады Семирамиды» позволяет глубже понять авторскую позицию и точнее интерпретировать культурно-исторический контекст произведения. Межтекстовое взаимодействие образует разноуровневую, объемную структуру в организации художественного повествования. Первый уровень межтекстового взаимодействия представлен прецедентными именами, крылатыми единицами и цита-

тами-реминисценциями. Вторым уровнем интертекстуальности является архитектстуальность, которая реализуется в межжанровом взаимодействии: использование паремии обогащает роман лирическими отступлениями, прозаическое повествование интегрируется с элементами поэзии. Третий уровень представлен автотекстуальными связями: лирические тексты Городецкого-поэта воспринимаются читателем как своеобразные претексты, которые обогащаются новыми смыслами в прозе Городецкого-романиста. Четвертый уровень основывается на интермедальности, заключается во взаимодействии с музыкой (песни героев, выражающие горечь и надежду) и живописью (описание природы с использованием колоративной лексики, метафор, сравнений и эпитетов). Интертекстемы занимают сильные позиции текста, способствуют экспликации концептуального содержания романа, обеспечивают динамику текстовых смыслов, создают психологизм и повествовательную полифонию на всех уровнях литературной коммуникации.

Список литературы

Источники

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Москва: Российское Библейское Общество, 2014. 1378 с.

Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. Москва; Ленинград: Гос. изд. худож. лит-ры, 1960. Т. 3. 714 с.

Большой словарь крылатых слов русского языка / под ред. В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой. Москва: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005. 623 с. (БКСРЯ)

Варужан Д. Стихи / пер. с арм. Б. Окуджавы. Москва: Художественная литература, 1984. 222 с.

Городецкий С.М. Избранные произведения: в 2 т. Москва: Художественная литература, 1987. 574 с.

Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 10. Москва: Гослитиздат, 1958. 251 с.

Шифман И.А. Мифы народов мира: энциклопедия / под ред. С.А. Токарева. Москва: Советская энциклопедия, 1980. С. 62.

Чехов А.П. Вишневый сад: пьеса. Москва: Детская литература, 1980. 96 с.

Исследования

Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. Москва: Прогресс, 1989. 616 с.

Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Художественная литература, 1975. 504 с.

Брюсов В. Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней. Ереван: Айастан, 1966. 512 с.

Колесников О.М. Библийские цитаты и аллюзии в прозе А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2022. 23 с.

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму; пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. Москва: Прогресс, 2000. С. 427–456.

Мокиенко В.М. Интертекстемы и текст в славянских языках // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сб. докладов междунар. конф. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. С. 4–27.

Николина Н.А. Филологический анализ текста. Москва: Академия, 2003. 256 с.

Петрова Е.В. Природа и сущность понятий «интертекстуальность» и «прецедентность» // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. 2020. Т. 1. С. 45–49.

Пеэге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. Москва: URSS: ЛЕНАНД, 2015. 240 с.

Сидоренко К.П. От крылатого слова к интертекстеме (межуровневая проекция) // Грани слова: сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. Москва: ЭЛПИС, 2005. С. 143–145.

Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. Москва: Агар, 2000. 280 с.

Фокина М.А. Ключевые метафоры в повести Владимира Корнилова «Искра» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 1. С. 60–65.

Фокина М.А., Шохра М. Пушкинское слово в повествовательном дискурсе В.Е. Максимова (по романам «Заглянуть в бездну» и «Кочевание до смерти») // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 91–97.

Хоренацци М. История Армении. Ереван: Айастан, 1990. 291 с.

Яковлев А.И. Интертекстуальная цветопись и интермедиальные связи как средства создания образа Христа в романе А. Белого «Петербург» // Вестник Костромского государственного университета. 2011. № 1. С. 113–116.

Schmid W. Narratology: an introduction, transl. by A. Starritt. Boston, De Gruyter, 2010, 259 p.

References

Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected works: Semiotics: Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1989, 616 p. (In Russ.)

Bakhtin M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniia raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics: Research from Different Years]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975, 504 p. (In Russ.)

Briusov V. *Poeziia Armenii s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [Poetry of Armenia from ancient times to the present day]. Yerevan, Aiastan Publ., 1966, 512 p. (In Russ.)

Iakovlev A.I. *Intertekstual'naia tsvetopis' i intermedial'nye svyazi kak sredstva sozdaniia obraza Khrista v romane A. Belogo «Peterbur»* [Intertextual color painting and intermedial connections as means of creating the image of Christ in A. Bely's novel "Petersburg"]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2011, no. 1, pp. 113–116. (In Russ.)

Fateeva N.A. *Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov* [Counterpoint of intertextuality, or Intertext in the world of texts.]. Moscow, Aгар Publ., 2000, 280 p. (In Russ.)

Fokina M.A. *Kliuchevye metafory v povesti Vladimira Kornilova «Iskra»* [Key Metaphors in Vladimir Kornilov's Story «Spark»]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2025, vol. 31, no. 1, pp. 60–65. (In Russ.)

Fokina M.A., Shokhra M. *Pushkinskoe slovo v povestvovatel'nom diskurse V.E. Maksimova (po romanam «Zaglianut' v bezdnu» i «Kochevanie do smerti»)* [Pushkin's Words in the Narrative Discourse of V.E. Maksimov (based on the novels "Look into the Abyss" and "Wandering to Death")]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2024, vol. 30, no. 3, pp. 91–97. (In Russ.)

Khorenatsi M. *Istoriia Armenii* [History of Armenia]. Yerevan, Aiastan Publ., 1990, 291 p. (In Russ.)

Kolesnikov O.M. *Bibleiskie tsitaty i alliuzii v proze A.P. Chekhova: avtoref. dis... kand. filol. nauk* [Biblical quotations and allusions in the prose of A.P. Chekhov]. Omsk, 2022, 23 p. (In Russ.)

Kristeva Ju. *Bakhtin, slovo, dialog i roman* [Bakhtin, word, dialogue and novel]. *Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism], transl. from French and introductory article by G.K. Kosikov. Moscow, Progress Publ., 2000, pp. 427–456. (In Russ.)

Mokienko V.M. *Intertekstemy i tekst v slavianskikh iazykakh* [Intertextualities and text in Slavic languages]. *Intertekst v khudozhestvennom i publitsisticheskom diskurse: sbornik dokladov mezhdunarodnoĭ konferentsii* [Intertext in artistic and journalistic discourse: collection of papers from the international conference]. Magnitogorsk, MaGU Publ., 2003, pp. 4–27. (In Russ.)

Nikolina N.A. *Filologicheskii analiz teksta* [Philological analysis of the text]. Moscow, Akademiia Publ., 2003, 256 p. (In Russ.)

Petrova E.V. *Priroda i sushchnost' poniatii «intertekstual'nost'» i «pretsedentnost'»* [The nature and essence of the concepts of "intertextuality" and "precedent"]. *Tatishchevskie chteniia: aktual'nye problemy nauki i praktiki* [Tatishchev Readings: Current Issues in Science and Practice], 2020, vol. 1, pp. 45–49. (In Russ.)

P'ege-Gro N. *Vvedenie v teoriu intertekstual'nosti* [Introduction to the Theory of Intertextuality],

ed. by G.K. Kosikova. Moscow, URSS Publ., LENAND Publ., 2015, 240 p. (In Russ.)

Schmid W. *Narratology: an introduction*, transl. by A. Starritt. Boston, De Gruyter Publ., 2010, 259 p.

Sidorenko K.P. *Ot krylatogo slova k interteksteme (mezhurovnevaia proektsiia)* [From catchphrase to intertexteme (interlevel projection)]. *Grani slova: sb. nauch. st. k 65-letiiu prof. V.M. Mokienko* [Facets of the Word: A Collection of Scientific Articles for the 65th An-

niversary of Professor V.M. Mokienko]. Moscow, ELPIS Publ., 2005, pp. 143–145. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 24.03.2026.